

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.138.155>

МАТЕРИАЛЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК ЭЛИТНОГО ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА УФЫ (ИЗ ФОНДОВ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

© 2024 г. С. Л. Воробьева

В статье впервые публикуются в полном виде материалы раскопок элитного погребения эпохи Средневековья на территории города Уфы. Археологические исследования были проведены в 1936 г. во дворе Медицинского института под руководством М.И. Касьянова и Б.А. Коишевского. Коллекция хранится в фондах Национального музея Республики Башкортостан. В имеющихся публикациях данных комплексов много путаницы, возникшей после появления научной работы Р.Б. Ахмерова в 1951 г. Автору статьи удалось найти архивные материалы М.И. Касьянова и Б.А. Коишевского, которые раскрывают особенности погребального обряда и местонахождения вещей в погребении. Для предметов из драгоценных металлов определены пробы золота и серебра. По последним данным, комплекс, раскопанный во дворе Медицинского института, датируется концом VI – первой половиной VII в. Большинство исследователей интерпретируют погребения, как турбаслинские. Два погребения (№ 1 и № 2) относятся к турбаслинской археологической культуре, одно (погребение № 3) – к кушнаренковской археологической культуре.

Ключевые слова: археология, Национальный музей Республики Башкортостан, драгоценные металлы, турбаслинская культура, кушнаренковская культура, эпоха Средневековья, погребальный комплекс, украшения, оружие.

MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS OF THE MIGRATION PERIOD ELITE BURIAL IN THE CITY OF UFA (FROM THE COLLECTIONS OF THE BASHKORTOSTAN NATIONAL MUSEUM)

S. L. Vorobyeva

The article publishes for the first time in full the excavation materials of the Migration Period elite burial in the city of Ufa. Archaeological studies were carried out in 1936 in the courtyard of the Medical Institute under the supervision of M.I. Kasyanov and B.A. Koishevsky. The collection is kept in the Bashkortostan National Museum. There is a lot of confusion in the available publications of these complexes, which appeared after the publication of the scientific work by R.B. Akhmerov in 1951. The author managed to find archival materials of M.I. Kasyanov and B.A. Koishevsky, which reveal the peculiarities of the burial rite and the position of artefacts in the burial. Gold and silver samples were determined for items made of precious metal. According to the latest data the assemblage excavated in the courtyard of the Medical Institute dates back to the end of the 6th - first half of the 7th century. Most researchers interpret the burials as Turbasly burials. Two burials (№ 1 and № 2) belong to the Turbasly archaeological culture, one (burial № 3) – to the Kushnarenkovo archaeological culture.

Keywords: archaeology, the Bashkortostan National Museum, precious metals, Turbasly culture, Kushnarenkovo culture, Middle Ages, burial assemblage, jewelry, weapons.

Введение

Территория города Уфы начинает заселяться, судя по известным археологическим памятникам, еще в эпоху мезолита (VII тыс. до н.э.). Только в Национальном музее Республики Башкортостан (далее – НМ РБ) хранится более 250 археологических коллекций (около 20000 предметов), в том числе и в драгфонде,

найденных в Уфе. Расширение строительства в 30-е гг. XX в., привели к массовым разрушениям могильников в черте города. В 1935, 1936, 1939 гг. здесь было вскрыто несколько богатых захоронений эпохи Средневековья, на улицах К. Маркса, Ленина, на месте строящихся Дворца культуры, Медицинского института, Театра оперы и балета. Но наибо-

лее яркие артефакты происходят из раскопок 1936 г. под руководством М.И. Касьянова и Б.А. Коишевского. Эта коллекция до сих пор составляет гордость музея.

Касьянов Максим Ильич (1895–1944?) – краевед, историк, археолог-любитель. Родился в д. Михайловка Гафурийского района БАССР (возле современного н.п. Курмантау). Учился в Учительском институте до 1915 г. С 1915 по 1920 гг. работал счетоводом в Башкирском Кредитном товариществе Уфимского уезда. С 1.8.1920 г. работал инструктором по археологии БЦКМ, затем заведующим отделом археологии, а в впоследствии – заведующий отделом истории (до 1939 г.). С 1939 г. работал научным сотрудником в Башкирском центральном краеведческом музее (*сейчас – НМ РБ*). С 1924 г. состоял членом Общества по изучению Башкирии. С 1924 г. состоял членом Общества по изучению Башкирии. Организовал впервые сплошное археологическое обследование территории БАССР и провел большое количество археологических раскопок для пополнения фондов музея. Опубликовал ряд статей о своих находках на русском и татарском языках в местных газетах «Красная Башкирия» и др., а также подготовил в 1935 г. список памятников археологии на 16 л. Умер в годы Великой Отечественной войны, место захоронения не известно (Археологическая карта..., с. 7; Лебедев, 2012, с. 54; Обыденнова, 2002, с. 42).

Коишевский Борис Андреевич (18.5.1902–1945) – археолог, поэт, художник. Родился в Туркестане в семье военного, из древнего дворянского рода. После смерти отца, Коишевские переезжают в Псков. С 1920 г. до 1923 гг. работал в Псковском Губернском отделе народного образования на должности инструктора по охране памятников старины. С 1923 по 1928 гг. учится в Ленинградском государственном университете на археологическом отделении. В 1928 г. продолжает учебу в аспирантуре ИИМК (г. Ленинград). По завершении учебы, исследователь занимается археологической деятельностью и охраной памятников древности. Участвовал в ряде экспедиций в Псковской и Ленинградской областях, опубликовал научные труды. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. посещал заседания Объединения Исследователей Псковской Земли при Ленинградском Областном Бюро Краеведения и Псковской секции, где

в январе 1931 г. прочитал доклады «Палео-этнологическое обследование в Псковском округе летом 1929 г.» и «Археологическая карта Псковского округа». В 1936 г. в рамках «Академического дела» и разгрома краеведческого движения выслан в Уфу, где работал научным сотрудником исторического отдела в Башкирского центрального краеведческого музея (*сейчас – НМ РБ*). Им было изучено несколько археологических памятников в Уфе, опубликован ряд заметок в газете «Красная Башкирия». В 1938 г. совместно с М.И. Касьяновым составил «Список памятников древностей в Башкирской АССР на предмет их охраны для дальнейшего научного обследования» на 35 объектов. В годы ВОВ, в ходе обработки коллекций БЦКМ, совместно с украинскими археологами Д.И. Блительдом, Л.Д. Дмитриевым и Е.Ф. Лагодовской этот список был расширен до 138 пунктов. Составил так называемую «Картотеку Коишевского», включающей 363 карточки со сведениями об археологических памятниках. В 1944 г. написал работу «Боевые традиции башкирского народа», которая так и не была опубликована. Подготовил обобщающую работу по археологии Башкирии, изданную после его смерти, в 1948 г. в Москве. Умер в 1945 г. в Уфе в возрасте 43 лет от хронического заболевания (туберкулеза) (Археологическая карта..., с. 7; Воробьева, 2018; Лебедев, 2012, с. 165; Фешкин, 2012).

10 июня 1936 г. в Уфе, при рытье котлована под фундамент Башкирского медицинского института по улице Зенцова (усадебный № 3), рабочими случайно в разрезе одного из карьеров были обнаружены человеческие кости и археологические предметы. О находке сообщили в Башкирский центральный краеведческий музей (*сейчас – НМ РБ*), сотрудники которого приступили к исследованию обнаруженного погребения. В это время в музее археологом работал И.М. Касьянов. В связи с тем, что в потревоженном комплексе были обнаружены золотые предметы, для их изъятия была сформирована комиссия в составе директора музея С.Г. Егорова и сотрудника М.И. Касьянова. 25 июля 1936 г. в Уфу прибыл представитель Академии наук СССР, профессор П.П. Ефименко, который принял участие в заседании Археологической комиссии при Башкирском Центральном исполнительном комитете с участием членов Правительства

БАССР. В нем участвовали: председатель ЦИК БАССР А.М. Тагиров, нарком просвещения Г.К. Давлетшин, председатель Археологической комиссии при Башкирском Центральном исполнительном комитете Г.С. Амантаев; члены комиссии – М.И. Касьянов, П.Ф. Ищериков, Б.А. Коишевский, директор музея С.Г. Егоров (Валиуллин, 2014, с. 73–74). Именно в связи с необходимостью исследования уникального памятника, в Уфу, прямо из тюрьмы, присылают археолога Б.А. Коишевского, осужденного в 1936 г. в рамках «Академического дела» и разгрома краеведческого движения в Ленинграде. Он был принят в качестве научного сотрудника в подчинение М.И. Касьянова. Вдвоем они раскопали богатые погребения и сдали материалы в фонды НМ РБ. Первоначально золотые предметы поступили в Башкирскую контору Государственного банка, откуда переданы в музей в 1939 г. Кроме того, авторы раскопок подробно описали находки, сопроводив их информацией о месте обнаружения (ДФ НМ РБ, ОФ 20825, л. 1-8).

В этом же году, М.И. Касьяновым была опубликована статья о раскопках в газете «Красная Башкирия» (Касьянов, 1936, с. 4). В публикациях 1949 и 1951 гг. археолога Р.Б. Ахмерова подробно описаны предметы и особенности погребального обряда (Ахмеров, 1949; Ахмеров, 1951). С тех пор, все последующие работы, так или иначе, повторяли публикации Р.Б. Ахмерова. Если сравнивать материалы, представленные им научному сообществу с публикацией 1936 г. М.И. Касьянова и архивными документами авторов раскопок, то вполне очевидно, что многое Р.Б. Ахмеров «додумал» и перепутал. Так, например, возраст погребенной женщины был определен еще в 1936 г. как «не свыше 25 лет» (Касьянов, 1936, с. 4), а Р.Б. Ахмеров пишет о том, что ей «25-30 лет» (Ахмеров, 1951, с. 126). В след за ним, возраст женщины как «25-30 лет», повторяет Н.А. Мажитов (Мажитов, 1973, с. 108). В публикации 2024 г., Ф.А. Сунгатов определяет, что «захоронение принадлежало женщине 30-32 лет» (Сунгатов и др., 2024, с. 182). Это не единственная неточность, так при описании мужского и женского погребения, перепутаны особенности погребального обряда: по утверждению Р.Б. Ахмерова, в женском погребении обнаружены следы тризны (Ахмеров, 1951, с. 126),

что никак не соответствовало действительности.

Но, пожалуй, самым большим «мифом о погребениях на территории Медицинского института», является утверждение о наличии в кургане склепа. О нем написал Р.Б. Ахмеров в более поздней публикации (Ахмеров, 1970, с. 170). Он ссылаясь на то, что в архиве Государственного краеведческого музея БАССР (*сейчас – НМ РБ*) им найден «рисунок склепа, сделанный, по-видимому, М.И. Касьяновым и Б.А. Коишевским» (Там же, рис. 1, с. 170). После разбора всех документов, оставленных М.И. Касьяновым и Б.А. Коишевским, можно с уверенностью утверждать, что **никакого склепа в 1936 г. не было обнаружено**. А рисунок, опубликованный Р.Б. Ахмеровым, не имеет ничего общего с погребением, раскопанным в 1936 г. в Уфе М.И. Касьяновым и Б.А. Коишевским. Нет никаких оснований также считать, что в Новиковских курганах тоже был обнаружен склеп (Ахмеров, 1970, с. 169). Единственное упоминание о склепах на территории Уфы можно отнести к раскопкам Р.Г. Игнатьева в 1867 г., в ходе которых выявлено погребальное сооружение в виде склепа, сложенного из плитняковых камней (Игнатьев, 1871, с. 154).

Кроме всего прочего, в ходе «бытования коллекции в музее» некоторые единичные вещи были перепутаны, лежали в других коллекциях, часть предметов считалась «необнаруженными». В связи с этим, в последних публикациях исследователей, не все предметы учитываются при анализе данных уникальных комплексов (Сунгатов и др., 2024, рис. 162-163, с. 365, 366; Белявская, 2019; Белявская, 2021, рис. 4, с. 352).

В ходе сверки коллекции в фондах НМ РБ найдены практически все предметы (одна бляшка пока не выявлена), относящиеся к материалам раскопок на территории Медицинского института в 1936 г. В фондах драгметаллы имеется 25 предметов (ФДМ НМ РБ, ОФ 359) и 26 предметов хранится в фонде археологии (ФА НМ РБ, ОФ 307, 308). Предметы из драгоценного металла прошли экспертизу в Федеральной пробирной палате по Приволжскому федеральному округу. Описание артефактов с местом их обнаружения имеется в документальном фонде и в научном архиве музея (ДФ НМ РБ, ОФ 20825, л. 1-8; Инвентарные книги...). Чертежей могил не сохранилось.

Таким образом, нам удалось собрать всю имеющуюся информацию по погребально-му обряду и опубликовать ее в полном виде. Материалы частично были апробированы на конференциях «Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов» (Монастырщино, 11-15 ноября 2019 г.) и «IX Халиковские чтения. Итоги и перспективы развития археологической науки в Урало-Поволжье» (Казань, 2024).

Погребение под Медицинским институтом находится в исторической части города, на правом берегу р. Белая, на территории Уфимского полуострова (рис. 1). Уфимский полуостров географически, это, холмистая территория в междуречье рек Уфы и Белой, названная так за счёт схожести контуров русел рек с вытянутым полуостровом. Полуостров протянулся в длину на 23 километра и в ширину от 4 до 8 километров. Уникальность в географическом плане способствовала тому, что эта территория была привлекательна для заселения в разные эпохи. И.И. Бахшиев с соавторами относят погребения к Средневековому могильнику «Б» на территории города Уфы, «где в разные годы фиксировались богатые захоронения, совершенные под курганными насыпями – участок от входа в парк Салавата Юлаева, далее по ул. Тукая до Дома Правительства Республики Башкортостан. Курганы в древности занимали край высокой террасы правого берега р. Белой. Обнаруженный здесь богатый сопроводительный инвентарь, вероятно, указывает на расположение здесь некрополя родоплеменной знати, функционирующий параллельно, но отдельно от кургано-грунтового «рядового» могильника «А» (Бахшиев и др., 2012, с. 21).

Описание погребений

Погребение № 1 было сильно потревожено и принадлежало мужчине. Вблизи могилы обнаружена куча древесного угля и кости животных – следы поминальной тризны (Касьянов, 1936, с. 4). Среди предметов найдены обломки колчана для стрел с железным наконечником стрелы, кусок истлевшей шелковой ткани и металлические блески, возможно от гробового покрывала. Местами сохранились следы истлевшего дерева, указывающего на то, что погребенный лежал в гробу, оббитым железными пластинками (Касьянов, 1936. С. 4). Инвентарь погребения:

1. Фрагмент железной кольчуги (ФА НМ РБ, ОФ 308/1) (рис. 2) из круглых проволочных звеньев. Размер: 21х6х4,5 см. Диаметр звена 1 см, толщина проволоки – 0,15 см, толщина полотна – 0,4-0,45 см. Плетение из одного сплошного и четырех заклепанных колец. Кольца спеклись между собой. Кольчуга относится к типу римской брони *Lorica Hamata* (кольчужного доспеха из рядов сплошных и заклепанных / сведенных колец). Аналогичная по плетению кольчуга найдена в Северном Причерноморье и датируется I в. до н.э. – I в. н.э. (Новиченкова, 2011, рис. 22, с. 296). Многочисленные находки кольчужного полотна найдены на Боспоре: в Пантикапее (Блаватский, 1962, с. 27), Фанагории (Ростовцев, 2002, с. 271), Горгиппии (Виноградов, Горончаровский, 2009. с. 201). В сарматских погребениях Северного Причерноморья комплексы с кольчугами датируются I-II вв. н.э. (Савченко, 1994, с. 93). Большинство авторов сходится во мнении, что кольчуги *Lorica Hamata* изготавливали на Боспоре (Астахов, 2020, с.107; Новиченкова, 2011, с. 280).

2. Трехлопастной железный черешковый наконечник стрелы (ФА НМ РБ, ОФ 308/3), с лопастью, имеющей выемку у основания; с упором; с боевой головкой, верхняя и нижняя части которых равны по величине, т. е. линия преломления лопастей проходит по середине длины боевой головки; ширина боевой головки составляет около половины ее длины, с ровными краями лопастей (рис. 2: 2). Сечение черешка круглое. Размер: общая длина 8 см, ширина лопастей 1,5 см, длина черешка 2,8 см, диаметр сечения черешка 0,5 см. Тип 1 по И.П. Засецкой (Засецкая, 1983. С. 70). Подобные наконечники встречены в погребениях Бирского могильника (Мажитов. 1968, табл. 27: 11, с. 149).

3. Накладка от сложносоставного лука «тюрко-хазарского» типа (ФА НМ РБ, ОФ 308/2д) (рис. 2: 1). Боковая концевая наклад-ка на лук, костяная, пластинчатая, закругленная, с петлевидным отверстием на закругленном конце. На лицевые края и боковые грани нанесены тонкие сетчатые насечки, способствовавшие лучшей фиксации сухожильной обмотки. Размер: длина 21,3 см, ширина над петлей 1,8 см, средняя ширина 1,6 см, толщина 0,3 см.

4. Накладка от сложносоставного лука «тюрко-хазарского» типа (ФА НМ РБ, ОФ

Рис. 1. Памятники эпохи раннего Средневековья (III–VIII вв.) Уфимского полуострова: а – селища; б – городища; в – погребальные памятники (одиночные погребения и могильники). 1 – Тоннельное селище; 2 – Уфимское селище (Бельские землянки); 3 – Дежневский курганный могильник; 4 – Ручейное селище; 5 – Уфимское селище (Салют); 6 – Глумилинские курганы; 7 – Чайка-1, курганный могильник; 8 – Уфа-V, городище; 9 – Селище Маяк; 10 – Селище Юнар; 11 – Дудкинское II селище; 12 – Уфимское (Чертово) городище; 13 – Новиковские курганы; 14 – Погребение по ул. Егора Сазонова; 15 – Погребение по ул. Менделеева; 16 – Уфа-I, городище («Монумент Дружбы»); 17 – Уфа-II, городище; 18 – Уфа-III, городище; 19 – Уфимские курганы («Мусульманское кладбище»); 20. Галановский могильник; 21. Уфимские погребения (могильник «А»); 22 – Уфимские погребения (могильник «Б») (по: Бахшиев и др., 2017, рис. 5. с. 64); 23 – Уфимские погребения (могильник «В»); 24 – Чайка-2, селище; 25 – Парковая-2, селище; 26 – Парковая-1, селище; 27 – Склепы у Сафроновской пристани; 28 – Местонахождение «тюркской головы»; 29 – Местонахождение монеты. Отдельные предметы: подвеска (Чайка-1, КМ), монета Римской империи императора Констанция II (317 – 361 годы правления), медальон (Дежневский курганный могильник).

Fig. 1. Monuments of the early Middle Ages (3rd-8th centuries) on the Ufa Peninsula: а – settlements; б – hillforts; в – burial monuments (solitary burials and burial grounds). 1 – Tunnelnoye settlement; 2 – Ufa settlement (Belaya River area subterranean dwellings); 3 – Dezhnevo burial mound; 4 – Ruchi settlement; 5 – Ufa settlement (Salyut); 6 – Glumilino burial mounds; 7 – Chaika-1, burial mound; 8 – Ufa-V, hillfort; 9 – Mayak settlement; 10 – Yunar settlement; 11 – Dudkino II settlement; 12 – Ufa (Chertovo) hillfort; 13 – Novikov burial mounds; 14 – Burial on Yegor Sazonov St.; 15 – Burial on Mendeleyev St.; 16 – Ufa-I, ancient settlement ("Friendship Monument"); 17 – Ufa-II, ancient settlement; 18 – Ufa-III, ancient settlement; 19 – Ufa burial mounds ("Muslim cemetery"); 20 – Galanovo burial ground; 21 – Ufa burials (burial ground "A"); 22 – Ufa burials (burial ground "B") (after: Bakhshiev et al., 2017, fig. 5, p. 64); 23 – Ufa burials (burial ground "B"); 24 – Chaika-2, settlement; 25 – Parkovaya -2, settlement; 26 – Parkovaya-1, settlement; 27 – Vaults near the Safronovskaya pier; 28 – Location of the "Turkic head"; 29 – Coin location. Individual items: pendant (Chaika-1, KM), coin of the Roman Empire of Emperor Constantius II (ruled in 317 – 361), medallion (Dezhnevo burial mound).

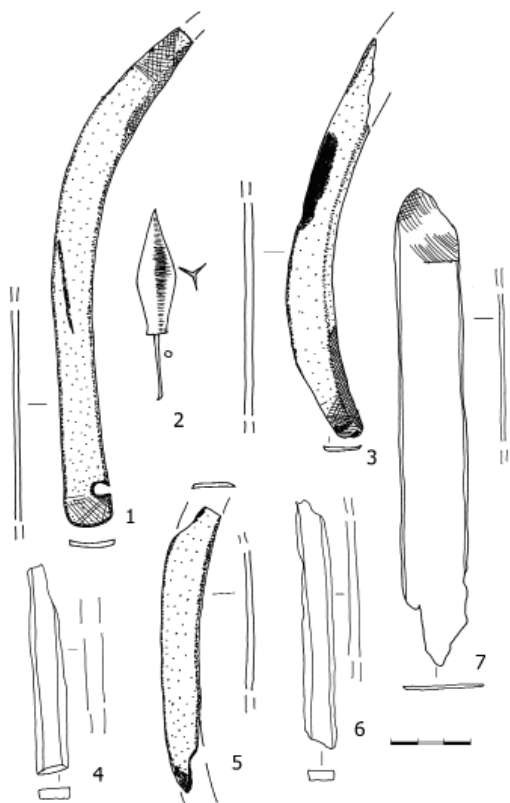

Рис. 2. Инвентарь погребения № 1: 1, 3, 5, 7 – накладки на лук, 2 – наконечник стрелы, 4, 6 – накладки; 1, 3-6 – кость, 2 – железо.
Fig. 2. Burial № 1 goods: 1, 3, 5, 7 – bow plates, 2 – arrow-head, 4, 6 – plates; 1, 3-6 – bone, 2 – iron.

308/2в) (рис. 2: 3). Боковая концевая накладка на лук, костяная, пластинчатая, закругленный конец с петлевидным отверстием отломан. На лицевые края и боковые грани нанесены тонкие сетчатые насечки, способствовавшие лучшей фиксации сухожильной обмотки. Размер: длина 17 см, средняя ширина 1,6 см, толщина 0,3 см.

5. Накладка от сложносоставного лука «тюрко-хазарского» типа (ФА НМ РБ, ОФ 308/2а), фрагмент средней части (рис. 2: 5). Внешняя поверхность стерта, с выщерблинами. Размер: 12х1,8 см, толщина 0,3 см.

Происхождение трех описанных накладок исследователи связывают со степными районами Центральной Азии, Южной Сибири и южными районами Восточной Сибири, где они появились в период тюрского великодержавия в VII-VIII вв. Встречены на городище Уфа-II (Русланов, 2013, с. 74; Измайлов, 1998, с. 246; Савинов, 1981, с. 146-162).

6. Накладка от сложносоставного лука «тюрко-хазарского» типа (ФА НМ РБ, ОФ

Рис. 3. Кольчуга. Погребение № 1; железо.
Fig. 3. Chain mail. Burial № 1; iron.

308/2с), фрагмент средней части (рис. 2: 7). Отличается от предыдущих своей формой – плоская и широкая. Внешняя поверхность частично сколота, но сохранились тонкие сетчатые насечки, способствовавшие лучшей фиксации сухожильной обмотки. Размер: 12х1,8 см, толщина 0,3 см. Подобные накладки по аналогии с найденными в Новиковском могильнике на территории города Уфы датируются VI – началом VII вв. н.э. (Булычев, 1902, табл II, рис 1,6; Засецкая, 2010, с.151; Голдина, 2012, с. 108-119).

7. Костяная накладка (ФА НМ РБ, ОФ 308/2з), фрагмент, который точно определить в качестве «накладки на лук» не представляется возможным (рис. 2: 6). Прямоугольной формы, чуть выпуклая. Размер: 10,7х1,4х0,4 см.

8. Костяная накладка (ФА НМ РБ, ОФ 308/1д), фрагмент неопределенный (рис. 2: 4). Прямоугольной формы, чуть выпуклая. Размер: 8,7х0,8х0,4 см.

8. Костяная накладка (ФА НМ РБ, ОФ 308/1ф), фрагмент неопределенный, с прямоугольным концом. Прямоугольной формы, чуть выпуклая. Размер: 6,7х1,7х0,4 см.

Погребение № 2 принадлежало «молодой женщине не старше 25 лет» (Касьянов, 1936, с. 4). Половозрастное определение дано научными работниками Медицинского института. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. Глубина могильной ямы 190 см, остатков гробовища не обнаружено (Касьянов, 1936, с. 4). Никаких следов поминальной тризны и покрывающей вуаль с мелкими звездочками, как пишет, Р.Б. Ахме-

ров (Ахмеров, 1951, с. 126), не обнаружено (Касьянов, 1936, с. 4). Инвентарь погребения представлен уникальными украшениями из золота и серебра.

Украшения головного убора и прически:

1. От погребения остались фрагменты рыжих/русых волос, сохранившихся в музее (ФА НМ РБ, ОФ 307/7) (рис. 9: 2).

2. Колт – височная подвеска из золота (ФДМ НМ РБ, ОФ 359/1, ОФ 359/20) (рис. 4). Был закреплен в косу, остатки волос сохранились внутри изделия. Состоит из двух частей (лицевая и обратная). Лицевая сторона богата украшена крупной и мелкой зернью и филигранной проволокой, имеется вставка из стекла. Обратная сторона – гладкая и украшена только двумя рядами крупной зерни. Боковая сторона состоит из спаянных колесообразных кружков. Два колесообразных кружка были отломаны еще в древности. Утрачена подвеска, на которой висел колт. Размеры: 9,8х8,7х8 см. Общий вес предмета с отдельными фрагментами 149,36 г, проба золота 900 и 700. И.П. Засецкая с соавторами называют данный артефакт «большой уфимский колт» и датируют его вт. пол. VI – нач. / перв. пол. VII в. (Засецкая и др., 2007, с. 16).

3. Височные подвески, золотые, в виде парных полуовальных коробок, закрепленных на одной петле – пять штук (ФДМ НМ РБ, ОФ 359/10-14) (рис. 5). Сами подвески состоят из двух пластинок в форме арки, полых внутри, с петлями для подвешивания. На подвесках с обеих сторон – рельефные полосы и ряды зерни и скани. Петля изготовлена из цельного куска проволоки со спаянными концами. Размеры подвесок 2,3х2 см. Вес каждой подвески от 8,16 до 8,33 г, проба золота 850.

Остатки одежды. По описаниям Р.Б. Ахмерова, одежда погребенной женщины «... состояла из длинного шелкового платья и верхнего кафтана, опоясанного ремнем. Она носила длинные штаны и кожаную обувь. ... Платье ниже воротника и, возможно, кафтан, были застегнуты золотыми брошками. Кожаная обувь сверху была застегнута медными пряжками и украшена бляшками» (Ахмеров, 1970, с. 164).

1. Остатки кожи коричневого цвета хранятся в коллекции (ФА НМ РБ, ОФ 307/8, 12) (рис. 9: 2).

2. Ажурная круглая золотая бляшка (ФДМ НМ РБ, ОФ 359/2) (рис. 6: 2). В виде кольца

Рис. 4. Колт – височная подвеска. Погребение №2; золото, стекло.

Fig. 4. Kolt – temple pendant. Burial № 2; gold, glass.

с перекрестием и четырьмя пластинками в форме лепестков; вокруг кольца – декорированная рамка в виде спаянных рядов зерни и скани. На лицевой стороне в центре перекрестия – вставка круглой формы и зернь; на лепестках – зернь по краю в центре. Состоит из двух отдельных фрагментов – кольца и декоративной рамки. Диаметр изделия 3,8 см, вес 6,46 г, проба золота 630.

3. Две круглые золотые бляшки с остатками серебряных припаянных петель на обороте (ФДМ НМ РБ, ОФ 359/15-16) (рис. 7: 5-6). На лицевой стороне – кольцо с перекрестием, в центре – пластинка с зернью; вокруг кольца – ряд скани и зерни. Обратная сторона – цельная пластина, в центре – фрагменты серебряных припаянных петель. Диаметры бляшек 2,8 и 2,8 см, проба золота 600, серебра 900.

4. Круглая золотая бляшка (ФДМ НМ РБ, ОФ 359/21) (рис. 7: 2). В центре – круглая стеклянная вставка желтого цвета, вокруг вставки – ряд зерни. Обратная сторона – цельная пластина, в центре – отверстие для крепления, само крепление утрачено. Диаметр бляшки 1,5 см, вес 2,19 г, проба золота 600.

Рис. 5. Инвентарь погребения № 2: 1-5 – височные подвески, 6-7 – наконечники ремней; золото.
Fig. 5. Inventory of burial № 2: 1-5 – temple pendants, 6-7 – belt tips; gold.

Шейно-нагрудные украшения. По описаниям Р.Б. Ахмерова и М.И. Касьянова, «от шеи к грудной клетке погребенной опускалось ожерелье из парных медальонов, расположенных по возрастающей к низу величине» (Ахмеров, 1970, с. 164). Сохранились следующие украшения:

1. Большой золотой медальон овальной формы с четырьмя припаянными петлями для крепления (ФДМ НМ РБ, ОФ 359/19) (рис. 6: 1). На лицевой стороне в центре имеется каст для вставки; вокруг каста – ряд зерни в виде полосы, два ряда зерни в виде треугольников и два ряда зерни в виде рельефных пирамидок; между ними – ряды скани. Обратная сторона гладкая, на ней припаяны петли. На одной петле – крючок из проволоки. Размеры изделия: 7,4×5,6 см, вес 41,33 г, проба золота 850.

2. Два золотых медальона овальной формы со стеклянными вставками и двумя петлями (плоской и двухплоскостной с зернью) (ФДМ НМ РБ, ОФ 359/24-25) (рис. 6: 3-4). На лицевой стороне каждого медальона в центре имеется стеклянная вставка овальной формы, бордового цвета; вокруг вставки – три ряда

зерни в виде полосы, ряд зерни в виде треугольников; между ними – ряды скани. Обратная сторона гладкая, на ней припаяны петли. Размеры изделий: 4,6×3 см, 4,15×2,9 см, вес 11,05 г и 11,32 г, проба золота 650.

3. Четыре золотых медальона овальной формы со стеклянными вставками и двумя петлями (плоской и двухплоскостной с зернью) (ФДМ НМ РБ, ОФ 359/4-7) (рис. 6: 6-9). На лицевой стороне каждого медальона в центре имеется стеклянная вставка овальной формы, желтого и бордового цветов; вокруг вставки – ряды из зерни и скани. Обратная сторона гладкая, на ней припаяны петли. Размеры изделий: 3,2×2,35 см, 3,2×2,4 см, 3,25×2 см, 3,3×1,9 см. Вес изделий 5,48 г, 5,40 г, 4,72 г, 4,68 г. Проба золота 500, 650, 700.

3. Два комплекта трехчастных золотых перстней, состоящих из трех фигурных бляшек, закрепленных на центральной пластине, с остатками серебряных припаянных петель на обороте (ФДМ НМ РБ, ОФ 359/8, 9) (рис. 6: 5, 10). На лицевой стороне – в центре овальная бляшка со стеклянной желтой вставкой, вокруг вставки – пять рядов зерни и скани, по краю – ряд крупной скани в виде рельефных пирамидок.

Рис. 6. Шейно-нагрудные украшения: 1, 3-4, 6-9 – медальоны; 2 – ажурная бляшка; 5, 10 – щитки перстней. Погребение №2; золото, серебро, стекло.

Fig. 6. Neck and chest ornaments: 1, 3-4, 6-9 – medallions; 2 – an openwork plaque; 5, 10 – ring shields. Burial No. 2; gold, silver, glass.

На обратной стороне – цельная пластина, в центре – фрагменты припаянных петель из серебряной пластины. Размеры изделий 3,3×1,95 см и 5,8×2,9 см, вес 17,51 г и 17,46 г, проба золота 650, серебра 960. Аналогичные перстни происходят из Скандинавии, погребения Шамси (Киргизия), 2 Морского Чулека, погребения у с. Суханово (Херсонская область), из Тамани, где они датируются от III до VII вв. н.э. (Засецкая и др., 20007, рис. 13, с. 41).

4. Две каплевидные золотые бляшки (ФДМ НМ РБ, ОФ 359/17-18) (рис. 7: 7–8). Вероятнее всего, в бляшки вставлялись стеклянные или каменные украшения, по краю бортика украшены рядом зерни. Размеры изделий: 2,1×1,1 см. Проба золота 500 и 650.

Медальоны, аналогичные найденным в Уфе, известны в Кавказском собрании Эрмитажа (Сунгатов, 1998, с. 56), происходят также

из Северного Причерноморья (Засецкая и др., 2007, табл. II, с. 169).

Ременные украшения:

1. Накладка ременная золотая вытянутой овальной формы с серебряными шпеньками (ФДМ НМ РБ, ОФ 359/3) (рис. 8: 10). Состоит из двух платин, декорирована с лицевой стороны зернью, образующей два креста с расширенными концами и окантовки; крепление к ремню происходило при помощи шпеньков с крупными шляпками-«полугорошинами». Обратная сторона гладкая. Размеры: 1,3×3,3 см, вес 3,7 г, проба золота 700, серебра 900.

2. Два золотых коробчатых наконечника ремня (ФДМ НМ РБ, ОФ 359/22, 23) (рис. 5: 6–7). Прямоугольной формы, закругленные с одной стороны. Состоят из двух спаянных пластин, внутри которых сохранились остатки кожи. Со сквозным отверстием, с выступающими концами на боковых сторонах. На

Рис. 7. Украшения одежды. Погребение № 2; золото, серебро, стекло.

Fig. 7. Clothing ornaments. Burial № 2; gold, silver, glass.

лицевой стороне – по прямому краю – бортик с рельефными насечками и ряд зерни. Обратная сторона – заломы пластины вокруг отверстия. Боковая сторона украшена двумя рядами зерни. Размеры изделий: 3,2×2,1 см и 3,1×2,1 см, вес 7,64 г и 6,92 г, проба золота 730. Гладкие коробчатые наконечники ремней встречены в погребении Портовом (Крымская область) вт. пол. VII в. (Айбабин, 1985, рис. 8: 23. с. 198), в древностях южнорусских степей (Засецкая, 1994, табл. 34: 11, 43: 4), в кладе Мартыновка, где они датируются VI–VII вв. (Казанский, 2014, с. 81).

3. Наконечник ремня из серебряной пластинки с остатками ремня из двух частей (ФА НМ РБ, ОФ 307/11). Размер: 0,096×0,036 м. Предмет на данный момент не обнаружен в фондах, сохранилась только фотография Р.Б. Ахмерова (рис. 8: 5).

4. Две пряжки с подвижным язычком и неподвижным щитком; крепление к ремню происходило при помощи шпеньков, расположенных с внутренней стороны щитка (ФА НМ РБ, ОФ 307/6) (рис. 8: 3–4). Щитки «геральдической» формы с полукруглыми выемками при переходе к рамке. На одной пряжке сохранился железный язычок, прямой у основания; заходит на рамку. На обратной стороне по два металлических шпенька с крупными шляпками-«полугорошинами», припаянными к щитку, с остатками кожи. Размеры изделий: 2,4×1,9×0,5 см, 2,5×1,7×0,6 см.

5. Две бронзовые ременные накладки (ФА НМ РБ, ОФ 307/5) (рис. 8: 6–7). С «геральдическими» щитками, разделенными полукруглыми боковыми врезками; с прорезной орнаментацией в виде круга в центре, сим-

метрично расположенных двух полуovalов и двух кругов; крепление к ремню происходило при помощи двух штифтов, припаянных на обратной стороне. Размеры изделий 2,8×1,3×0,3 см и 2,8×1,3×0,3 см. И.О. Гавритухиным подобные накладки причислены к серии Нижний Джулат, характерной для центральной части Северного Кавказа, и датированы перв. пол. – сер. VII в. В Крыму зафиксирована подобная накладка, которая «датируется немного ранее» (Gavritukhin, 2018, р. 8). О.С. Белявская датирует их к. VI – сер. VII в. (Белявская, 2019, с. 134).

6. Две ременные накладки (ФА НМ РБ, ОФ 307/9) (рис. 8: 8–9). Состоят из комбинации «раздвоенной» верхней части и нижней фигуры, со скошенными боками. С четырьмя круглыми прорезами в верхней части и двумя круглыми прорезами в нижней. Размеры изделий: 4,4×2×0,5 см и 4,2×2×0,3 см.

7. Две ременные накладки (ФА НМ РБ, ОФ 307/5) (рис. 8: 11–12). Состоят из трех соединенных прямыми сторонами щитков «геральдической» формы. Имеют три круглые прорезы и орнамент в виде прочерченных линий и фигуры треугольника. Изделия полые. Крепление к ремню происходило при помощи трех штифтов. Размеры изделий: 2,7×2,7 см, 2,7×2,7 см.

О.С. Белявская, основываясь на реконструкции обувных наборов, происходящих из захоронений могильника Лучистое (Хайрединова, 2003, с. 151–157), делает вывод, что пряжки и накладки (рис. 8: 3–4, 6–7, 11–12) являлись обувными (Белявская, 2019, с. 134). Сама же гарнитура датируется ей в рамках к. VI – сер. VII в. (Белявская, 2019, с. 134).

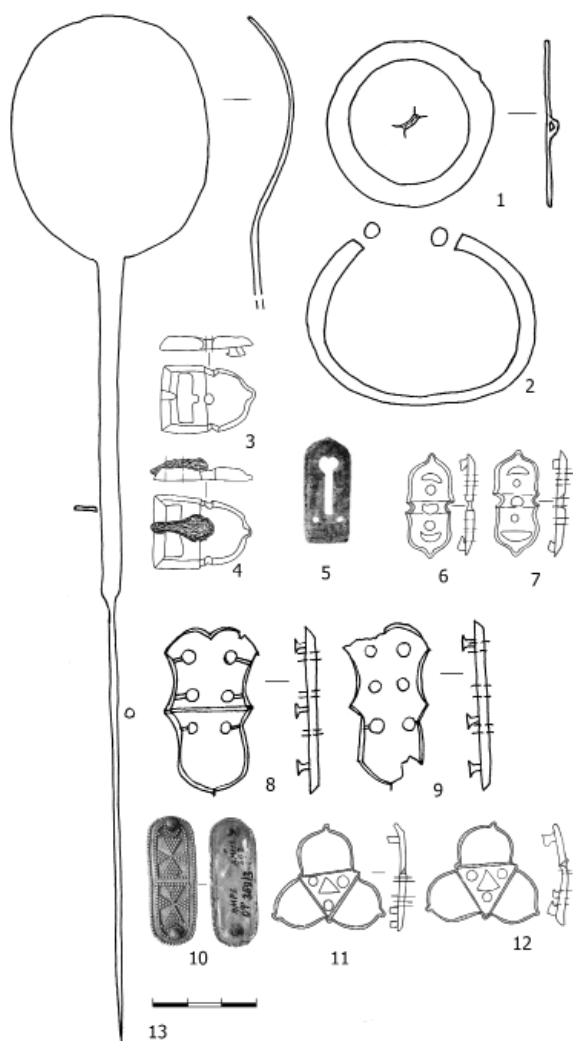

Рис. 8. Инвентарь погребения №2: 1 – зеркало; 2 – браслет, 3–4 – обувные пряжки; 5 – наконечник ремня; 6–12 – поясные накладки; 13 – ложка; 1–2, 5, 13 – металл, 3, 6–9, 11–12 – бронза, 4 – бронза, железо, 10 – золото, серебро.

Fig. 8. Burial № 2 goods: 1 – mirror; 2 – bracelet; 3–4 – shoe buckles; 5 – belt endpiece; 6–12 – belt plates; 13 – spoon; 1–2, 5, 13 – metal, 3, 6–9, 11–12 – bronze, 4 – bronze, iron, 10 – gold, silver.

Отдельные украшения:

1. Ложка из белого металла (серебро?) (ФА НМ РБ, ОФ 307/3) (рис. 8: 13). По описанию М.И. Касьянова, стержень ложки «был обложен деревянными пластинами, заключенными в особые обоймицы из сероватого металла» (Касьянов, 1936. с. 4). Вероятнее всего, речь идет об остатках деревянного футляра, в котором хранилась «ценная вещь». Длина изделия 28 см, ширина плоской части стержня до 0,8 см, размеры черпака 6×5 см. Стержень от плоского прямоугольного в сечении у основания черпака, становится круглым и острым

на другом конце. Изделие цельнолитое. Такой формы ложки, изготовленные из серебра, в количестве 12 экземпляров входили в состав римских сервизов. Они найдены в богатых домах Помпей и употреблялись для медленной еды, при этом использовались оба конца. Ложки такого типа были распространены с I в. до н.э. вплоть до IV в.н.э., и делались не только из серебра, но и из бронзы и кости (Гущина, Засецкая, 1994, с. 30–31). Несомненно, ложка, найденная в Уфе, является импортным изделием. Функционально, во время приема пищи, пользовались не только черпаком, но и острым концом – по примеру использования вилки.

2. Браслет из цветного металла (ФА НМ РБ, ОФ 307/2) (рис. 8: 2). Из толстого прута, с несомкнутыми концами. Сечение прута круглое. Размер: 6,2×4,5×0,4 см. Подобные браслеты распространены в Бирском могильнике (Мажитов 1968, табл. 14:1–2, 13. с. 133).

3. Зеркало из цветного металла с центральной петлей (ФА НМ РБ, ОФ 307/1) (рис. 8: 1). На стороне с петлей имеется орнамент в виде круга. Диаметр изделия 4,8 см. высота петли 0,3 см. Зеркала с центральной петлей и с декором в виде концентрических рельефных кругов становятся наиболее популярными в V – сер. VI в. и бытуют, прежде всего, в Северном Причерноморье и в Западном Предкавказье (Мастыкова, 2016, с. 251). И.П. Засецкая с соавторами указывает на то, что зеркала данного типа бытуют в пределах гуннской и постгунской эпохи (к. IV – сер. VI в.) и происходят, главным образом, из памятников Боспора и его ближайшей периферии (Засецкая и др., 2007, с. 19).

Погребение № 3. Детское. Разрушено полностью. Инвентарь:

1. Гривна из белого металла (серебро?), из закрученной проволоки (ФА НМ РБ, ОФ 309/1) (рис. 9: 1). Размер: 11,5×12 см, диаметр сечения проволоки 0,5 см. Серебряные витые гривны с раскованным концом известны в сарматских погребениях Алфёльда в Венгрии, женских захоронениях IV в. н.э. в могильниках цебельдинской культуры, комплексах V – нач. VI вв. из могильников Северного Кавказа, в погребениях конца III – IV вв. культуры рязано-окских могильников (Стоянова, 2011, с. 122).

2. Бляшка серебряная дугообразная, с ушком на одном конце, другой сплюснен в

Рис. 9. Инвентарь погребений №3 (1) и №2 (2): 1 – гривна, 2 – фрагменты кожаной одежды и волосы погребенной; 1 – металл (серебро?), 2 – кожа, органика.

Fig. 9. Goods from burials № 3 (1) and No. 2 (2): 1 – torque, 2 – fragments of leather clothing and hair of the buried woman; 1 – metal (silver?), 2 – leather, organic matter.

форме лопаточки (ФА НМ РБ, ОФ 309/2). Размер: 0,91×0,3 см. Изделие значится в фондах в списке необнаруженных (возможно будет найдено в дальнейшем).

3. Обломки глиняного сосуда в пяти фрагментах (ФА НМ РБ, ОФ 309/3) (рис. 10). Сосуд не высокий, с плоским дном, раздутым туловом, отогнутым слегка наружу венчиком. Реконструируемый диаметр по венчику 5,5 см, диаметр днища 4 см, диаметр тулова 10,5 см, толщина стенок 0,3 см. Высота сосуда не определена. В тесте примесь шамота и мелкого песка, хорошо заглажен, коричневого цвета. Орнаментирован резными насечками по краю венчика, шейке и тулову, резными параллельными линиями и треугольными насечками по шейке. Относится к керамике кушнаренковского типа.

Интерпретация материалов

Богатый вещевой комплекс захоронений, раскопанных в 1936 г. на территории Медицинского университета, говорит о том, что погребенные имели высокий социальный статус. Большая часть вещей имеет импортное

происхождение (Кавказ, Византия, Северное Причерноморье). Уникальность комплекса подтверждается и тем, что вокруг материалов до сих пор не утихают дискуссии. Женское погребение Р.Б. Ахмеровым датировано VII–VIII вв. (Ахмеров, 1951, с. 127). Н.А. Мажитов в разные годы давал разную датировку погребениям: VII и VIII вв. (Мажитов, 1977, с. 20), VI – VII вв. (Мажитов, 1993, с. 121), V–VII вв. (Мажитов, 1968, с. 68). Ф.А. Сунгатовым рассматриваемые комплексы отнесены к VII–VIII вв. (Сунгатов, 1998, с. 106). О.С. Белявская по ременной гарнитуре определяет, что «вероятное время возникновения самого комплекса ограничено к. VI – сер. VII в.» (Белявская, 2019, с. 134). И.П. Засецкая, анализируя колт и другие золотые украшения из уфимского погребения, приходит к выводу, что они могут быть датированы вт. пол. VI – нач. или сер. VII в. (Засецкая и др., 2007, с. 16, рис. 2, 6; с. 27, 42). По мнению большинства исследователей, золотые украшения с зернью и сканью, а так же сам колт происходят из византийских мастерских. По другой версии – это продукция местных мастеров, которые работали по византийским образцам (Засецкая и др., 2007, с. 92). Вторая версия, по нашему мнению, не имеет ничего общего с элитным уфимским погребением, так как проработанность деталей зерни и скани свидетельствует о том, что на Южном Урале не могли произвести эти предметы. Свидетельством дипломатических отношений местных племен Средневековья, являются, по мнению,

Рис. 10. Сосуд из погребения №3, керамика.
Fig. 10. Vessel from burial № 3, ceramics.

Ю.Л. Шаповой, и появление на Южном Урале византийского стекла (Шапова, 1983, с. 174). В разные годы на территории Уфы были найдены предметы византийского производства: монеты императора Феодосия II (405–450 гг. н.э.), стеклянный сосуд, медальоны с изображением соправителей и т.д. (Сунгатов, 2024, с. 185–195). Ременная гарнитура, найденная на территории Уфы, по мнению И.О. Гавритухина, отражает византийско-понтийский и кавказский импульсы в развитии геральдических стилей. В рамках VI–VII вв. они по преимуществу являются переработкой престижных византийско-понтийских образцов и представляют наиболее ранний хронологический горизонт в эволюции геральдической гарнитуры Поволжья, относясь к периоду широкого распространения пряжек новоселковской группы (Гавритухин, 1996, рис. 4, с. 125; Гавритухин, Обломский, 1996, с. 85). По мнению О.С. Белявской, ременная гарнитура также является одним из показателей устойчивых связей населения бассейна р. Белой с Северным Кавказом во второй половине I тыс. (Белявская, 2019, с. 134).

Таким образом, элитное женское погребение, раскопанное в 1936 г. во дворе Медицинского института датируется, в целом, концом

VI – перв. пол. VII в. Большинство исследователей (Н.А. Мажитов, Ф.А. Сунгатов) интерпретируют погребения, как турбаслинские. В то время, как В.В. Овсянников относит мужское погребение к кушнаренковской культуре в связи с наличием остатков лука и защитного вооружения (кольчуга) (Овсянников, 1995, с. 139; Овсянников, 2001, с. 128). Детское погребение, несомненно, относится к кушнаренковскому типу по наличию горшка (рис. 10) и может быть датировано в широких временных рамках. Женское же погребение, на наш взгляд, отнести к кушнаренковской культуре нельзя, ориентируясь на глубину могильной ямы (190 см) и ориентировку погребенного (головой на северо-восток).

В связи с изложенным, однозначно отнести комплекс к одной археологической культуре не получается. Так М.И. Касьянов и Б.А. Коишевский не писали о строении курганной насыпи, относить их к одному курганному комплексу, или считать их одновременными, на наш взгляд, не представляется возможным. Поэтому, не исключено, что это разновременные и разнокультурные захоронения: погребения №№ 1 и 2 относятся к турбаслинской культуре, № 3 – к кушнаренковской.

Благодарности:

Благодарю за оказанную методическую помощь при описании предметов: хранителя фондов драгметаллы НМ РБ О.Н. Лещенко, старшего научного сотрудника Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа И.Р. Ахмедова, старшего научного сотрудника отдела археологии эпохи великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН И.О. Гавритухина и независимого исследователя-археолога О.С. Белявскую.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И.* Погребение хазарского воина // СА. 1985. № 3. С. 191–205.
- Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 263 с.
- Астахов И.А.* Защитное вооружение на Позднем Боспоре: данные археологии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2020. № 3. С. 104–113.
- Ахмеров Р.Б.* Древние погребения в Уфе // КСИИМК. Вып. XXV / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.; Л.: АН СССР, 1949. С. 113–117.
- Ахмеров Р.Б.* Уфимские погребения VI–VIII веков нашей эры // КСИИМК. Вып. XL / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1951. С. 125–137.
- Ахмеров Р.Б.* Уфимские погребения IV–VII вв. н.э. и их место в древней истории Башкирии // Древности Башкирии / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 161–193.
- Бахшиев И.И., Куфтерин В.В., Бахшиев Р.И., Гиззатов Д.З.* Новое погребение эпохи раннего средневековья на территории Уфы // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 1 (15). С. 52–69.
- Бахшиев И.И., Насретдинов Р.Р., Бахшиев Р.И.* Анализ пространственных данных в современной археологии: некрополи эпохи раннего средневековья южной части Уфимского полуострова // Этносы

и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (26 октября 2012 г.) / Отв. ред. А.Т. Ахатов. Уфа: Аркаим, 2012. С. 18–22.

Белявская О.С. К изучению элитного раннесредневекового погребения на территории Уфы // Новые материалы и методы археологического исследования: от критики источника к обобщению и интерпретации данных. Материалы V Международной конференции молодых ученых (Москва, 19–21 марта, 2019) / Отв. ред. В.Е. Родинкова М.: ИА РАН, 2019. С. 133–135.

Белявская О.С. О некоторых дискуссионных вопросах турбаслинской культуры // Уфимский археологический вестник. 2021. Т. 21. № 2. С. 346–357.

Блаватский В.Д. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945–1949, 1952 и 1953 гг. Пантикапей // Пантикапей / МИА. № 103 / Отв. ред. И.Б. Зеест, И.Д. Марченко. М.; Л.: АН СССР, 1962. С. 6–85.

Булычев Н.И. Древности из Восточной России. Вып. I. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1902. 29 с.

Валиуллин Г.Ф. Национальный музей Республики Башкортостан: история создания и развития. 2-е изд., изм. и доп. Уфа: Информреклама, 2014. 160 с.

Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. – середина III в. н. э.). СПб.: Нестор-История, 2009. 349 с.

Воробьева С.Л. Коишевский Борис Андреевич (1902–1945 гг.) – первый профессиональный археолог национального музея Республики Башкортостан // АрхЛаб. Археология Урала: время, памятники, люди. Вып. 3 / Отв. ред. Р.Р. Русланова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. С. 145–153.

Гавритухин И.О. К изучению ремennых гарнитур Поволжья VI–VII вв. // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИМК им. П.В. Алабина, 1996. С. 115–133.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно исторический контекст / Раннеславянский мир. Вып. 3 / Ред. Г.Е. Афанасьев, И.П. Русанова. М.: ИА РАН, 1996. 298 с.

Голдина Р.Д. Истоки «дальнего импорта» в Приуралье // Известия Коми научного центра УрО РАН. Вып. 2 (10). Сыктывкар, 2012. С. 108–119.

Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994. 172 с.

Засецкая И.П. Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (конец IV–V вв. до н.э.) // История и культура сарматов / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Саратов: СГУ, 1983. С. 70–84.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб.: Эллипс, 1994. 224 с.

Засецкая И.П. Михаэльсфельд – эталонный памятник раннего средневековья (к вопросу о датировке и этнокультурной 76 принадлежности) // Археологический сборник. Вып. 38 / Ред. А.Ю. Алексеев. СПб.: Эрмитаж, 2010. С. 123–159.

Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: ГЭ, 2007. 212 с.

Игнатъев Р.Г. Курганы и городища Оренбургского края // Труды Первого археологического съезда в Москве. Приложения I / Отв. ред. А.С. Уваров. М.: Суходальная Типография, 1871. С. 153–158.

Измайлов И.Л. К истории сложносоставного лука населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья середины VIII–X вв. // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции 17–20 ноября 1997 г. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1998. С. 242–260.

Казанский М.М. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху великого переселения народов / Раннеславянский мир. Вып. 15 / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. 2014. С. 45–137.

Касьянов М.И. Тысячелетняя могила // Красная Башкирия. 1936. № 138 (17.06.1936). С. 4.

Лебедев А.И. Становление и развитие органов государственной охраны памятников истории и культуры в 1917–2010 годах (по материалам Башкирии): Научное издание. Уфа: Уфимский государственный университет экономики и сервиса, 2012. 236 с.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии I тыс. н.э. М.: Наука, 1968. 162 с.

Мажитов Н.А. Тайны Древнего Урала: археология, ученые, открытия, гипотезы. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1973. 183 с.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.

Мажитов Н.А. Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII–XI вв.) // Хронология памятников Южного Урала / Отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа: УНЦ РАН, 1993. С. 119–140.

Мастыкова А.В. Зеркала типа Карповка. К вопросу о формировании салтово-маяцкой культуры Среднего Дона // Дивногорский сборник. Вып. 6 / под ред. А.З. Винникова. Воронеж: Научная книга, 2016. С. 241–254.

Новиченкова М.В. Римская кольчуга *Lorica Hamata* I в. до н.э. – I в. н.э. из ритуального комплекса святилища у перевала Гурзуфское Седло // Боспорские исследования. Вып. XXV / Отв. ред. В.Н. Зинько. Симферополь; Керчь: Дементра, 2011. С. 271–297.

Обыдённова Г.Т. Очерк истории развития Урало-Поволжской археологии первой половины XX столетия. Уфа: Башкирский гос. педагогический ун-т им.М. Акмуллы, 2002. 104 с.

Овсянников В.В. Истоки и типологические связи кушнаренковского и кара-якуповского комплексов вооружения // Курганы кочевников Южного Урала / Отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа: Гилем, 1995. С. 138–150.

Овсянников В.В. К вопросу о городах древних башкир // Труды КАЭЭ. Вып. 1–2 / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГПУ, 2001. С. 126–128.

Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. М.: Книжная находка, 2002. 155 с.

Русланов Е.В. Костяные накладки луков средневекового городища Уфа-II // Урал и просторы Евразии сквозь века и тысячелетия: научные публикации, посвященные 80-летию юбилею Н.А. Мажитова / Отв. ред. А.Н. Султанова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. С. 70–86.

Савинов Д.Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1981. С. 146–162.

Савченко Е.И. Комплексы сарматского времени у ст. Калининской // Боспорский сборник. Вып. 5. / Ред. И.С. Каменецкий. М.: б.изд.. 1994. С. 87–107.

Стоянова А.А. Гривны из памятников Крыма сарматского времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). 2011. Вып. XVII. С. 116–140.

Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V–VIII вв. н.э.). Уфа: Гилем, 1998. 168 с.

Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н., Аминев З.Г., Кызласов И.Л., Бахшиева А.К., Мухаметдинов В.И., Русланова Р.Р., Русланов Е.В., Сатаев Р.М., Куфтерин В.В., Шамсутдинов М.Р. К проблеме городов Южного Урала эпохи средневековья. Уфа: Самрау-Медиа, 2024. 386 с.

ДФ НМ РБ – Документальный фонд Национального музея Республики Башкортостан

ФА НМ РБ – Фонд археологии Национального музея Республики Башкортостан

ФДМ НМ РБ – Фонд драгметаллов Национального музея Республики Башкортостан

Фешкин В.Н. Башкирские военные традиции в работе Б. А. Коишевского // Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 год: сборник докладов и материалов Международной научно-практической конференции. Уфа, 8–10 июня 2012 года / Гл. ред. проф. А. Г. Мустафин. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. С. 260–265.

Щапова Ю.Л. Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М.: МГУ, 1983. 200 с.

Gavritukhin I.O. Belt sets from Alanic graves: Chronology and cultural links // Belinskij A.B., Härke H. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery. Bonn: Habelt-Verlag, 2018. P.49–96, 217–236, 241–244, 246–247, 255, 258–259, 262, 272, 278–279, 281–283, 289, 292–294, 297–299, 301, 308, 310–314, 316–317, 321–324, 334, 340, 357–359, 371, 376, 378, 382, 387, 392, 394, 399, 401, 403, 407, 409, 412, pl. 5 (на англ.).

Информация об авторе:

Воробьева Светлана Леонидовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Национальный музей Республики Башкортостан (г. Уфа, Россия): sveta_legion@mail.ru

REFERENCES

- Aibabin, A. I. 1985. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 191–205 (in Russian).
- Bader, O. N. (ed.). 1976. *Arheologicheskaya karta Bashkirii (Archaeological Map of Bashkortostan)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Astakhov, I. A. 2020. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* 3, 104–113 (in Russian).
- Akhmerov, R. B. 1949. In Udaltsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XXV. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 113–117 (in Russian).
- Akhmerov, R. B. 1949. In Udaltsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XL. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 125–137 (in Russian).
- Akhmerov, R. B. 1970. In Smirnov, A. P. (ed.). *Drevnosti Bashkirii (Antiquities of the Bashkiria)*. Moscow: "Nauka" Publ., 161–193 (in Russian).
- Bakhshiev, I. I., Kufterin, V. V., Bakhshiev, R. I., Gizzatov, D. Z. 2017. In *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology)* 15 (1), 52–69 (in Russian).
- Bakhshiev, I. I., Nasretudinov, R. R., Bakhshiev, R. I. 2014. In Akhatov, A. T. (ed.). *Etnosy i kultury Uralo-Povolzhia istoriia i sovremennost' (Ethnic Groups and Cultures of the Ural-Volga Region: History and Modernity)*. Ufa: "Arkaim" Publ., 18–22 (in Russian).
- Belyavskaya, O. S. 2019. In Rodinkova, V. E. (ed.). *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniia: ot kritiki istochnika k obobshcheniyu i interpretatsii dannykh. (New Materials and Methods of Archaeological Studies: from Criticism of Sources to Generalization and Interpretation of Data)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., 133–135 (in Russian).
- Belyavskaya, O.S. 2021. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)*. 21 (2), 346–357 (in Russian).
- Blavatsky, V. D. 1962. In Zeest, I. B., Marchenko, I. D. (eds.). *Pantikapey (Panticapaeum)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 103. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 6–85 (in Russian).
- Bulychev, N. I., 1902. *Drevnosti iz "Vostochnoy Rossii (Antiquities from Eastern Russia)*. Ufa: A.I. Mamontov Printing House Partnership (in Russian).
- Valiullin, G. F. 2014. *Natsional'nyi muzei Respubliki Bashkortostan: istoriia sozdaniia i razvitiia (National Museum of the Republic of Bashkortostan: the History of Creation and Development)*. Ufa: "Informreklama" Publ. (in Russian).
- Vinogradov, Yu. A., Goroncharovskiy, V. A. 2009. *Voennaya istoriya i voennoe delo Bospora Kimmeriyskogo (VI v. do n. e. – sredina III v. n. e.) (Military history and military art of the Bosporan Kingdom (the 6th century BC to the mid-3rd century AD))*. Saint Petersburg: "Nestor-History" Publ. (in Russian).
- Vorobeva, S. L. 2018. In Ruslanova, R. R. (ed.). *ArkLab. Arkheologiya Urala: vremia, pamiatniki, liudi (ArchLab. Archaeology of the Urals: Time, Monuments, People)* 3. Ufa: Bashkir State University, 145–153 (in Russian).
- Gavritukhin, I. O. 1996. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury Evraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e. (Cultures of the Eurasian steppes of the second half of the 1st millennium)*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 115–133 (in Russian).
- Gavritukhin, I.O., Oblomsky, A. M. 1996. *Gaponovskiy klad i ego kul'turno istoricheskiy kontekst (Gaponovo Hoard and its Cultural and Historical Context)*. Series: Ranneslavyanskiy mir (Early Slavic World. Archaeology of the Slavs and Their Neighbors) 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 137–185 (in Russian).
- Goldina, R. D. 2012. In *Izvestiia Komi nauchnogo tsentra UrO RAN. (Proceedings of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences)* 2(10). Syktyvkar, 108–119 (in Russian).
- Gushchina, I. I., Zasetskaya, I. P. 1994. «Zolotoe kladbishhe» Rimskoy epokhi v Prikuban'e ("Golden cemetery" of the Roman Age in the Kuban' basin). Series: Russian Archaeological Library. Issue 1. Saint Petersburg: "Farn" Publ. (in Russian).

Zasetskaya, I. P. 1983. In Skripkin, A. S. (ed.). *Istoriia i kul'tura sarmatov (History and Culture of Sarmatians)*. Saratov: Saratov State University, 70–84 (in Russian).

Zasetskaya, I. P. 1994. *Kul'tura kochevnikov iuzhnorusskikh stepei v gunnskuiu epokhu (konets IV–V vv.) (Culture of Nomads from the South Russian Steppes in the Hun Period (late 4th–5th centuries))*. Saint Petersburg: "Ellips" Publ. (in Russian).

Zasetskaya, I. P. 2010. In Alekseev, A. Yu. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection)* 38. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 123–159 (in Russian).

Zasetskaya, I. P., Kazanski, M. M., Akhmedov, I. R., Minasyan, R. S. 2007. *Morskoi Chulek. Pogrebeniia znati iz Priazov'ia i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ia v postgunnskuiu epokhu (Morskoi Chulek. Burials of Noblemen from the Azov Region and Their Place in the History of the Tribes of Northern Black Sea Region in the Post-Hun Epoch)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).

Ignatiev, R. G. 1871. In Uvarov A. S. (ed.). *Trudy Pervogo arkheologicheskogo s"ezda v Moskve (Proceedings of the First Archaeological Congress in Moscow)* Appendices I. Moscow: Sunodal Typography, 153–158 (in Russian).

Izmailov, I. L. 1998. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletii n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 242–260 (in Russian).

Kazansky, M. M. 2014. In Oblomskii, A. M. (ed.). *Problemy vzaimodeistviia naseleniia Vostochnoi Evropy v epokhu Velikogo pereseleniia narodov (Interaction between Eastern European Populations during the Great Migrations)*. Series: Ranneslavianskii mir. (Early Slavic World) 15. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 45–137 (in Russian).

Kasyanov, M. I. 1936. In *Krasnaya Bashkiriya (Red Bashkiria)* 138 (17.06.1936), 4 (in Russian).

Lebedev, A. I. 2012. *Stanovlenie i razvitie organov gosudarstvennoi okhrany pamiatnikov istorii i kul'tury v 1917–2010 godakh (po materialam Bashkirii). (Formation and Development of the Bodies of State Protection of Historical and Cultural Monuments in 1917–2010 (based on Materials from Bashkiria))*. Ufa (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1968. *Bakhmutinskaia kul'tura: Etnicheskaiia istoriia naseleniia Severnoi Bashkirii serediny I tysiacheletii nashei ery (The Bakhmutino Culture: Ethnic History of the Northern Bashkiria Population in the Middle I Millennium AD)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1973. *Tayny Drevnego Urala: arkheologiya, uchenye, otkrytiya, gipotezy (Mysteries of the Ancient Urals: archaeology, scientists, discoveries, hypotheses)*. Ufa: "Bashk. kn. izd-vo" Publ. (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1977. *Yuzhnyy Ural v VII–XIV vv. (Southern Ural in 7th — 14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1993. In Ageev, B. B. (ed.). *Khronologiiia pamiatnikov Iuzhnogo Urala (Chronology of the Southern Urals Sites)*. Ufa: Ural Research Center of the Russian Academy of Sciences, 119–140 (in Russian).

Mastykova, A. V. 20016. In Vinnikov, A. Z. (ed.). *Divnogorsii sbornik (Divnogorsk Collection)*. Series 6. Voronezh: "Nauchnaya kniga" Publ., 241–254 (in Russian).

Novichenkova, M. V. 2011. In Zinko, V. N. (ed.). *Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies)* 25. Simferopol; Kerch: Demetra, 271–297 (in Russian).

Obydenov, G. T. 2002. *Ocherk istorii razvitiia Uralo-Povolzhskoi arkheologii pervoi poloviny XX stoletii (Essay on the Development History of the Ural-Volga Archaeology in the First Half of the 20th Century)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University (in Russian).

Ovsyannikov, V. V. 1995. In Ageev, B. B. (ed.). *Kurgany kochevnikov Yuzhnogo Urala (Mounds of the Nomads of the Southern Urals)*. Ufa: "Gilem" Publ., 138–150 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V. 2001. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 1–2. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 126–128 (in Russian).

Rostovtsev, M. I. 2002. *Ellinstvo i iranstvo na yuge Rossii (Hellenism and Iranism in the Southern Russia)*. Moscow: "Knizhnaya Nakhodka" Publ. (in Russian).

Ruslanov, E. V. 2013. In Sultanova, A. N. (ed.). *Ural i prostory Evrazii skvoz' veka i tysyacheletiya: nauchnye publikatsii, posvyashchennye 80-letnemu yubileyu N.A. Mazhitova (The Urals and the Eurasian spaces through centuries and millennia: scientific publications dedicated to the 80th anniversary of N.A. Mazhitov)*. Ufa: Bashkir State University, 70–86 (in Russian).

Savinov, D. G. 1981. In Khudyakov, Yu.S. (ed.). *Voennoe delo drevnikh pelemen Sibiri i Tsentral'noi Azii* (*Military Art of the Ancient Tribes of Siberia and Central Asia*). Novosibirsk: "Nauka" Publ., 146–162 (in Russian).

Savchenko, E. I. 1994. In Kamenetsky, I. S. (ed.). *Bosporskiy sbornik* (*Bosporan Collection*) 5. Moscow, 87–107 (in Russian).

Stoyanova, A. A. 2011. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* (*Materials Archaeology, History and Ethnography of Tauria*) 17, 116–140 (in Russian).

Sungatov, F. A. 1998. *Turbaslinskaia kultura (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov V–VIII vv n. e.)* (*Turbasly Culture (based on the funerary sites of 5th – 8th centuries AD)*). Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

Sungatov, F. A., Sultanova, A. N., Aminev, Z. G., Kyzlasov, I. L., Bakhshieva, A. K., Mukhametdinov, V. I., Ruslanova, R. R., Ruslanov, E. V., Sataev, R. M., Kufterin, V. V., Shamsutdinov, M. R. 2024. *K probleme gorodov Yuzhnogo Urala epokhi srednevekov'ya* (*To the issues of the cities of the Southern Urals in the Middle Ages*). Ufa: "Samrau-Media" Publ. (in Russian).

Dokumental'nyy fond Natsional'nogo muzeya Respubliki Bashkortostan (*Document collection of the Bashkortostan National Museum*) (in Russian).

Fond arkheologii Natsional'nogo muzeya Respubliki Bashkortostan (*Archaeology collection of the Bashkortostan National Museum*) (in Russian).

Fond dragmetallov Natsional'nogo muzeya Respubliki Bashkortostan (*Precious metals collection of the Bashkortostan National Museum*) (in Russian).

Feshkin, V. N. 2014. In Mustafin A. G. (ed.). *Vklad Bashkirii v pobedu Rossii v Otechestvennoy voyne 1812 god: sbornik dokladov i materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Ufa, 8-10 iyunya 2012 goda (*Contribution of Bashkiria to the victory of Russia in the Patriotic War of 1812: collected reports and proceedings of the International scientific and practical conference. Ufa, June 8-10, 2012*). Ufa: Bashkir State University, 260–265 (in Russian).

Shchapova, Yu. L. 1983. *Ocherki istorii drevnego steklodeliia (po materialam doliny Nila, Blizhnego Vostoka i Evropy)* (*Essays on the History of Ancient Glassmaking (on the Materials from the Nile Valley, the Middle East and Europe)*). Moscow: Moscow State University (in Russian).

Gavritukhin, I. O. 2018. In Belinskij, A. B., Härke, H. *Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery*. Bonn: Habelt-Verlag, P.49–96, 217–236, 241–244, 246–247, 255, 258–259, 262, 272, 278–279, 281–283, 289, 292–294, 297–299, 301, 308, 310–314, 316–317, 321–324, 334, 340, 357–359, 371, 376, 378, 382, 387, 392, 394, 399, 401, 403, 407, 409, 412, pl. 5 (in English).

About the Author:

Vorobyeva Svetlana L., Candidate of Historical Sciences, Bashkortostan National Museum. Soviet st., 14, Ufa, 450000, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; sveta_legion@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.